

1

On Father:
- Remembrances -
of ~~the~~ Student.

Икона Общества
Почмурных Художников
за 1910—1917 гг.

Многоуважаемый Юрий Николаевич,
я думало, что Ш.О.Н.Х. в 1910-1917 годах
была в большой мере созданием Николая
Константиновича Рериха. Поэтому
может быть Вам будет неплохо
приметно прикоснуться к этому
далекому прошлому.

Я буду очень рада, если эта
статья окажется полезной Вам, или
Вашему брату хотят бы садов
наибольшее удовольствие.

А. Багаса

Школа Общества Поощрениях Художеств.

"По саду прекрасной, как виденое,
Едва-ль не первый из садов."

И. А. Билибин.

Школу Общ. Поощр. Художеств я
знаю начиная с 1910г. Тогда оно, что
сие не зашло до этого было в ней серо
и скучно. И только с того времени,
когда появился в ней в качестве ди-
ректора художник Н. К. Рерих, школа
преобразилась. Открылись новые мас-
терские, пополнился состав препо-
давателей первоклассными силами,
и вскоре школа расцвела пышным
цветом, забывши клюками исчезли
возде.

Приводу выдержку из статьи
А. Ростиславова, напечатанной в

газете того времени. Ставші посвідчені школе О.Н.Х. "Во что превращалась, благодаря частнодіячому художественному руководству директора Н.К.Рериха и целого ряда очевидно выдающихся преподавателей, когда-то мертвених "прикладных" школ!.. Перед нами не только прикладная, с обиходом художественная школа, совершенно выделявшаяся в своих обиходных рисовальских классах не только по сравнению с аналогичными школами, а и с самими училищем Академии Художеств!"

Помещение обиц. посвідченій художеств было огромно и выходило на Морскую ^{и ул. Грибоедова, 38/1} и на Мойку ^{и ул. Грибоедова, 38/2}. На гастро, которая выходила на Морскую была хороша. Светильни зали дали выставкам производили радостно-нарядное впечатление. Но та гастро, которая давала

Годы эта
"дом ху-
дожников"
ул. Грибоедова,
38/2

бліже к Мойке, т. е. класти, музей и бібліотека була жутче - не имела достаточного світла. Тільки в некоторых класах були стеклянні погони. Хороша була входна мірока винтовай лестниці. Над нею також був стеклянний погонок.

Товорили о постройці нового посвідчення, но в 1914 р. началась война и нового здания мы не дождались.

Мастерские: иконописная, скудомтурная, фарфоровая и майоликовая находились на противоположності берегу Мойки, в Демидовом переулку. За 5 минут можно было добежать оттуда до школи.

Народа училось в школе много. Извили к седе не только прекрасная постановка, но и недолгая письма (Учились много учеников и бесплатно),

и пыкала свободу в смысле посещения школы. Когда я училаась, то говорили, что учащихся было больше получтора тысяч, а преподавателей ^{бывших} около 50. Какое разнообразие было среди учащихся в образовании, национальности, в социальном положении!

Перед моим мысленным взором — это годной класс... Вон сидит за

Этогодом красивая девочка с тонкими, немножко надменными лицом. Она из аристократической богатой семьи.

Рядом, с удивлением работает скромная учительница. Дав свои уроки истории в гимназии, она каждий день спешила в нашу школу и усердно рисует. Молча слушает она рассказ своей соседки о каком-то, бывшем где-то недавно великолепном замке.

— А вы много выезжаете?" спрашивает аристократическая барышня.

— Да, каждый день на конке, в гимназию", говорит учительница совершенно серьезно, и только в глазах у нее загораются лукавые огоньки.

Аристократический посик соседки на секунду моргивает, но затем она смеется. Учится уже не первым год в школе и привыкла ко всем kind разговорам и ко всем kind соседкам... Вон недалеко сидит блондинка — Хадеко Сабоямо. Принесена в Россию из Токио на казенной счет, чтобы учится рисованию. Говорят она по английски, и довольно смело — по русски. Еще в Токио брала уроки русского языка.

Вон усерднейший маленький французчик. Он всегда в движении, всегда оживлен. По русски знает не больше

20^е слов. Бог знает, почему он огурчился в Петербургской школе...

Есть студенты, есть монахиши.

Последние пришли учиться иконописи, но приходится сначала научиться рисовать.

Несмотря на обилие народа, — в школе нет шума. На уроках работы так поглощают, что говорить не хочется. Чем интереснее работа, тем выше в классе.

Вот на уроках у И. Я. Билибина, — там много интересно. Это младший класс композиции. Главная работа учащихся сделана учениками дома. В классе Иван Яковлевич рассматривает и обсуждает поданное работы, дает новую тему и обясняет загадки.

Вспоминаю урок, когда я увидела Билибина впервые. Иван Яковлевич

сидит окруженный ученицами, красивый, весь какой-то замечательно "ладно скроеный и ладно сшитый".

Рассматривает композицию орнамента в стиле ренессанса, вписанного в полукруг.

— А что это композиция вполне самостоятельна?" спрашивает И. Я. у ученика, подавшего работу. "Да", отвечают тот, "это всего верхнюю часть я взял целиком из одной книги. А разве нельзя?"

— "Не стоит!" говорят Билибин.

— Но ведь это только маленькая часть", возразил ученик. "Все равно: если не хорошо стоящим от соседа почитник, то ведь также нехорошо стоящим и 5 копеек". Говорят это И. Я. таким мягким и милым тоном, что обидеться невозможно.

Хочу Иван Яковлевич заняться, но

он умел очень хорошо что-нибудь рассказывать. Он умел это делать с таким юмором, что мы все смеялись. смеялись, а у него самого, только губы-губы улыбаются глаза.

В одном из своих стихотворений, написанном в чутливых тонах, И.Я. воспел всех преподавателей школы, в том числе и себя: "И зрите, как великолепен, благороден и благолепен я сам - Билибин Иоахим!"

Один из самых замечательных художников-графиков, он и учеников своих научил чувствовать красоту линии, красоту композиции. От него мы научились понимать и любить русский стиль, русское народное творчество.

С Билибина чувствовалась как-то совсем легко, не страшно было что

чтобы спросить. Он всё выслушивал терпеливо и на всё давал обстоятельный ответ. Иван Яковлевич глубоко любил всё русское и когда, после 1917 года, он жил в Египте, а потом в Париже, то сильно тянуло его на родину. Он написал об этом в письме, напечатанном в журнале "Жар-птица", где упоминает о том, что стал "самым первым научнонаучистом". [В 1936 г. он вернулся в родную страну и был профессором в Академии художеств].

Из маленького класса композиции, умел умудренное опытом и знаниями, ученики переходили в старший класс композиции к Владимиру Александрову Чухо. Чухо, один из крупнейших архитекторов России - всегда был занят работой и повидимому с трудом находил время нае время. На уроки часто опаздывал.

Вот несколько учеников стоят около класса композиции на нашей красной витовой лестнице. Уже ученик час ждем Владимира Алексеевича, а его всё нет, и нет. Вот проходит мимо нас вверх дракон Александр Романов. К груди его ласково прижалась маленькая обезьянка. Это сюжеты из жизни натурщика в его классе. Её будут рисовать. Вот поднимаются снизу красивые девушки с звуковыми небольшими машинками. Они входят в квартиру директора. Это его жена и две сестры. А Илья всё нет и нет. Мы уже начинаем терять надежду, но вот наконец и он! Из всех сил спешащий, весь как будто наэлектризованный, глаза горят.

Так и кажется, что он пришел откуда-то с бодрящего торца,

и от него веет живительным озном. Таков он всегда. Но на этот раз он ~~всегда~~ взволнован и говорит: "День прошу прощения за опоздание". Сего дня погло сгорела моя квартира. Всё время спасал мою библиотеку". Но мы и без его обвинений всегда верим, что причины его опозданий всегда были уважительные. Часто нужно было удивляться, что он, несмотря и с опозданием, а всё-таки приходил. Так например: ^{только что} приехал он из Рима, (где строился по его проекту павильон для выставки) и ^{всё та же} в том же день пришел к нам на урок.

Но как только Владимир Алексеевич попадет в класс, всякой спешке конец. Ко всему он относится ~~сейчас~~ с живым интересом, все работы просматривает очень внимательно.

Человек испытательного обаяния,
с прекрасными манерами, всегда эле-
гантно одетый, как живой стоит
он у меня перед глазами.

Идёт урок. Ученики показывают
проекты памятника воину, павшему
на войне с Германией (Мар 1916 год).
Перед Ишуком не совсем удачный ри-
сунок тяжелого каменного креста.
Владимир Алексеевич берет кальку,
накладывает её на ученический ри-
сунок и красивым, смелым движе-
нием карандаша прорисовывает
сверху контур, гумь-гумь меняя
пропорции. Кажется самой пустяк
отмела его линия от ученической,
а между тем всё преобразилось.
Бесконечно-живое стало гор-
монично-стройным, претенциозное
— благородно-просто... .

Иногда мы ходим с Ишуком в нашу
школьную музей. Длинная античная
комнаты, полные произведений из ис-
кусства, — сумрак, какая-то особенная
умиротворяющая тишина, особенный
воздух, неподъемное чувство покоя... .

Посетителей в эти часы
в музее не бывало. Здесь рисовали мы
^{стильные} отдельные предметы, или части пред-
метов, здесь Ишук старался развить
в нас строгий вкус и понимание
разных стилей. Здесь, как и где, мы
погружались дух разных эпох.

Работать у Владимира Алексеевича
было большим наслаждением. Тысячи он
ко всем всегда очень доброжелательен,
серъёзно ^{приветлив} ~~ласков~~ и пользовался со сто-
роне учеников очень большой любовью
и уважением.

После революции Ишук остался в

потрясенной Россией и отдал ей
все свои силы.

6/9/39г.
[Но вот газета, здесь в Эстонии, сад-
дущими известие: Илько умер. В газете
помещен портрет. Седые волосы,
устало склонены руки...
А как много потрудились эти руки
для русского искусства!]

Николай Константинович Рерих
был у нас не только директором
школы, но ^{он} еще и руководителем классов
эскизов. Был Н. К. всегда безукориз-
ненно корректен. Со всеми ученичами
на улице здоровалась первей. Удив-
лялся мы, как только он мог всех
запоминить! Но всегда вспло от него
каким-то легким холодком.
Казалось, что между нами и им су-
ществовала какая-то невидимая

тончайшая перегородка. Все мы его
безграничноуважали, все преклонялись
перед его мощным талантом.
Был Рерих для нас великий олимпи-
йц, а мы смертные маленькие люди.

Помню, как мы - еще слабо пони-
мавшиеживотворить - всё же, как зага-
рованное, с каким-то особенным тре-
петом смотрели на его картину.

Какой то новый, таинственный, прек-
расный мир открывался нам. И какое
беспредельное богатство красок!
Смотрелись бывали с волнением и не
хотели отойти от этих картин.

И то, что Рерих был далек от нас, нам
казалось понятным, казалось, что он
жил в своем внутреннем мире твор-
ческих видений и не дав нас было по-
кинуть ему этот мир.

Не удивительно, что так волнова-

лись ученики, показывая Рериху свои эскизы. Как бывало билось сердце! Что-то он скажет?!

При обсуждении эскизов Николай Константинович обходил их по очереди. Говорил кратко, но очень содержательно, ясно и просто. Мимо работ бездарных часто проходил мимо, не сказав ни слова, как будто не замечая.

Если же работа интересная, иногда останавливалась ^и "второй раз".

Виду в его стоящем перед эскизом "Изгнание из рая"! Ангел с суровым лицом, с огненным мечом, стоит у врат рая, указывая рукой вдалекь. Испуганные Адам и Ева, стараясь прикрыть свою наготу, уходят из рая. Перед ними упала гористая местность с одиночным деревом. Низко нависли тучи.

Николай Константинович останавливается перед эскизом и говорит: "Хорошая работа; чувствуется отзвук иконописного стиля, но совсем нет рабского подражания. Здесь ~~есть~~ совсем "свой". Хорошо передан контраст правой и левой части". Н. К. обходит весь класс помолчав. Возвращается к "Изгнанию из рая" во второй раз. Сердце смотрит его светлые задумчивые глаза. Несколько минут он молчит, потом говорит: — "Посмотрите, как красивы здесь краски, вот особенно отсюда, когда смотришь немного сбоку. Очень хорошо!" А автор эскиза стоит тут же, взволнованной, и от счастья не чувствует ног под собой.

Темы для эскизов Рерих давал очень интересные, дающие простор и размах и индивидуальности.

Были темы и религиозные, и неторопливые, и ~~и~~ такие, которые можно было толковать реалистично, а такие темы, которые уводили в символику.

На выставках эти эскизы были одними из самых интересных работ и привлекали большое внимание публики...

В первые годы моего пребывания в школе еще жил мой профессор Чюонггинский. Есть у меня два снимка с портретом Яна Францевича. На одном он стоит за рабочим.

Другой портрет-работы артиста Маринского театра Ерикова (он был учеником Чюонггинского).

Ян Францевич изображен за работой, с палитрой и кистями в руках.

Высокий, монстра физура, мужественное, энергичное, открытое лицо. Прекрасный живописный облик!

Называли Чюонггинского „Непривычный Ян“, такой он был темпераментный и пылкий. Весь порыв, движение, казалось он не жив, а горел внутренним неугасимым огнем. Этот огонь — любовь к искусству. Художник-импрессионист, Ян Францевич был еще и прекрасным пластиком. „Муза никогда не ходит одна“, говорил он. Но особенно было огромно его значение, как замечательного учителя, который умел ~~захватывать~~ захватывать сердца своих учеников, умел заинтересовать и воодушевить всех, даже самых легковажных. Его обличия были ярки, образны и оригинальны. Говорил он своеобразными языками.

Рисует бывало кто-нибудь и ворчит, что натурщик стоит неспокойно, а Ян Францевич подойдет и скажет: "Что бы ворчите? ведь это же не клоун, а живая натура, и каждую минуту она дает новую идею!"

Станет кто-нибудь жаловаться, что вон, давно учится, а все губят - ет, что ни до него не дошел, а Ян Францевич утешает: "Кто идет к бесконечному, тот никогда не доходит, но бесконечно имти-есть прелесть!"

Возмущалася равнодушiem учеников к поставленному натурщику.

"Можно на все посмотреть равнодушно и будет никто! А девиз истинного художника: увиди! Поглоби! Жарб!"

Увидит, что кто-нибудь рисует

всего, он подойдет, сядет, возьмет уголь в руку, начнет рисовать и скажет: — "Рисовать нужно замах дыхания и скрипя зубами и в каждом штрихе должно быть восторг и любовь!" "Художник должен всегда лежать из кожи, а кто перестает это делать, том катится назад".

Если же Ян Францевич видел, что кто-нибудь из учеников уж слишком "виртуозничает", увлекался какой-нибудь необычайной манерой, то таких осаживал. — "Не режьте, не режьте карандашом, режьте больше шагами! И не бойтесь сухости рисунка, сухость рисунка есть его сила".

Тот, кто знал Яна Францевича близко, знал его рыцарского рыцарских благородный характер, его прямому, знал, как стойкого борца за справед-

живость. Был он гужд материальными рассеяниями, обладал редкой сердечной добродотой. Говорили, что многие из молодежи находили у него не только художественную, но и материальную поддержку. Зарабатывал он много, но и тратился своими деньгами тоже много.

Долгое время неотъемлемой частью Членглийского были его две любимые собачки "Поро" и "Али". Всегда в людьми они его сопровождали и знали их весь художественный Петербург.

Рассказывают, что одна очень высокопоставленная осoba, приехав на выставку и, увидя в вестибюле сидящих Поро и Али, засмеялась и сказала: — "Очень рад, что Членглийский здесь на выставке, приятно с ним увидеться!"

Ранняя смерть Яна Францевича потрясла всех его знавших. Тому хорошо, как все мы обратили внимание на то, что последние дни перед болезнью лицо Яна Францевича приняло выражение какой-то глубокой задумчивой печали. Предчувствовали мы он свою близкую смерть, или уже тогда начиналась болезнь, — но был он иной, чем всегда. Заболел он как будто внезапно. Одни говорили, что отравился рыбными консервами, другие называли аппендицит, но погоди оказалось воспаление легких.

В больницу, где лежал Ян Францевич, часто звонили из нашей школы, все спрашивались о его здоровье. Нам говорили, что его лежат 7 докторов, что приехали из Варшавы его два брата, однобратцы. Но положение Яна Францевича всё ухудшалось. Не верилось, что этот

Богатырь уйдет от нас так скоро,
Но он ушел...

Помню траурную мессу в костеле
святой Екатерины на Невском.

Третий день Рождество... В церкви
были художники, артисты, учени-
ки Академии Художеств и наши
школьцы. Трой весь в цветах.

Песни артистов Мариинского театра.
Потом проводили мы Яна Францевича
на Смоленское кладбище. Торжес-
твенное сердце Чюонглинского
могла успокоить только смерть.

Теперь приведу часть того сти-
ховения Билибина, о котором я уже
упомянула и которое он сам назвал
"презвучной одой". ~~Стих~~ Это
шумное стиховение он прогнал
на школьной пирожке, где присутство-

ствовали только преподаватели школы.
(У нас не помню, как это стиховение
 попало к нам)

"Здесь есть цветок на удивление,
И несъ цветок такой второй,
Ему название „поощрение“
И всякой он цветет порой;
цветет под вечным солнцем и лед,
цветет под дикий свист борей,
цветет и удивляет мир,
Растет все более, неотступно,
Ч цветет и погибель купка.
А мы устраиваем гир.

Но не цветок то, а стекло
Для взора сладостных цветов;
По сад прекрасный, как виденье,
Едва-ль не первый из садов!
И пусть сия презвучна ода
Прородил прославит садовода!
Пусть, возмажней бровей!
О, зрит, како восседает,
И как главой своей сидят
Наш достославной Николай!

О смерти люди вы-ль видали,
Кто возрастил таков толбак?
По Чюонглинский-Люро-Доли,
И впереди и преграде гонят дни!

Кто дал нам сень сего лимона?
То эмман Николай Химонъ...
Но где же однакоже Чуко?
Он в беренитама вонючомъ
И во плоти иной явился
Там, где то очень далеко! (уехал)

Наш сад прекрасен, как картина,
И умиляет всякий глаз,
И сколь прекрасна наша Нина,
Которой славится Кавказ.
В саду, как некая принцесса,
В тени ковров сидит Флоресса,
Дочь Эдуарда Рингемана,
И зрит, как великолепен,
Благогестив и благогенек
Я сам - Билибин Иван!

Стихотворение Это было написано Иваном Яковлевичем весной 1911 года, к окончанию учебного года.

Весной каждого года в залах на морской устраивались ученические выставки. Как были они декоративно-праздничны, сколько разнообразных, сколько ярких изображений. Не было ни шаблона, ни ученической робости. Все было свежо,

(теперь
уч. Гердена
№ 38.)

во всем чувствовалась благородный, строгий вкус. Никогда и нигде не приходилось мне видеть ученической художественной выставки, которая производила бы такое радостное впечатление, как в этой школе.

Каждый год школа выпускала альбом (напечатанный) лучших ученических работ. Альбомы эти были в красках и печатались при школе же. Бывало смотришь на некоторые страницы и диву даешься. Неужели же это ученические работы? Так много было в них мастерства.

Хочется мне вспомнить еще о некоторых наших преподавателях. С теплым чувством вспоминаю я добродушнейшего Василия Ивановича Навозова, Николая Петровича Химону, Константина Кадма и почти Врабцевского и его чудесного

солнечные пейзажи, любили все ее замечательно мягкого, деликатного, скромного Аркадия Александровича Рылова, любили его „Зеленый чай“ и другие ^{его} великолепные, сильные картины.

Рерих, Рылов, Химоне, Врабчевский, все они были учениками А. И. Куинджи, и без сомнения дух их учителя, человека с большим сердцем, несущим нее и в них.

Слово „презвучану оду“ было для меня так:

Мне всех не счесть, но все прекрасны,
Весь наш веселый хоровод.
Люблю наши не прекрасны,
Так нее главный садовоу!
И так в очах подневна зной,
Ны, по примеру старца ной,
Такжелий старой псевн цепей,
Чтоб рос наш сад под зданью Феда,
Под сводом Петрограда нева,
Наш сад из роз и из лилей!

Уже давно нет этого прекрасного сада „Из роз и из лилей“, ^{каинстей} никого не осталось в живых из этого „веселого хоровода“.

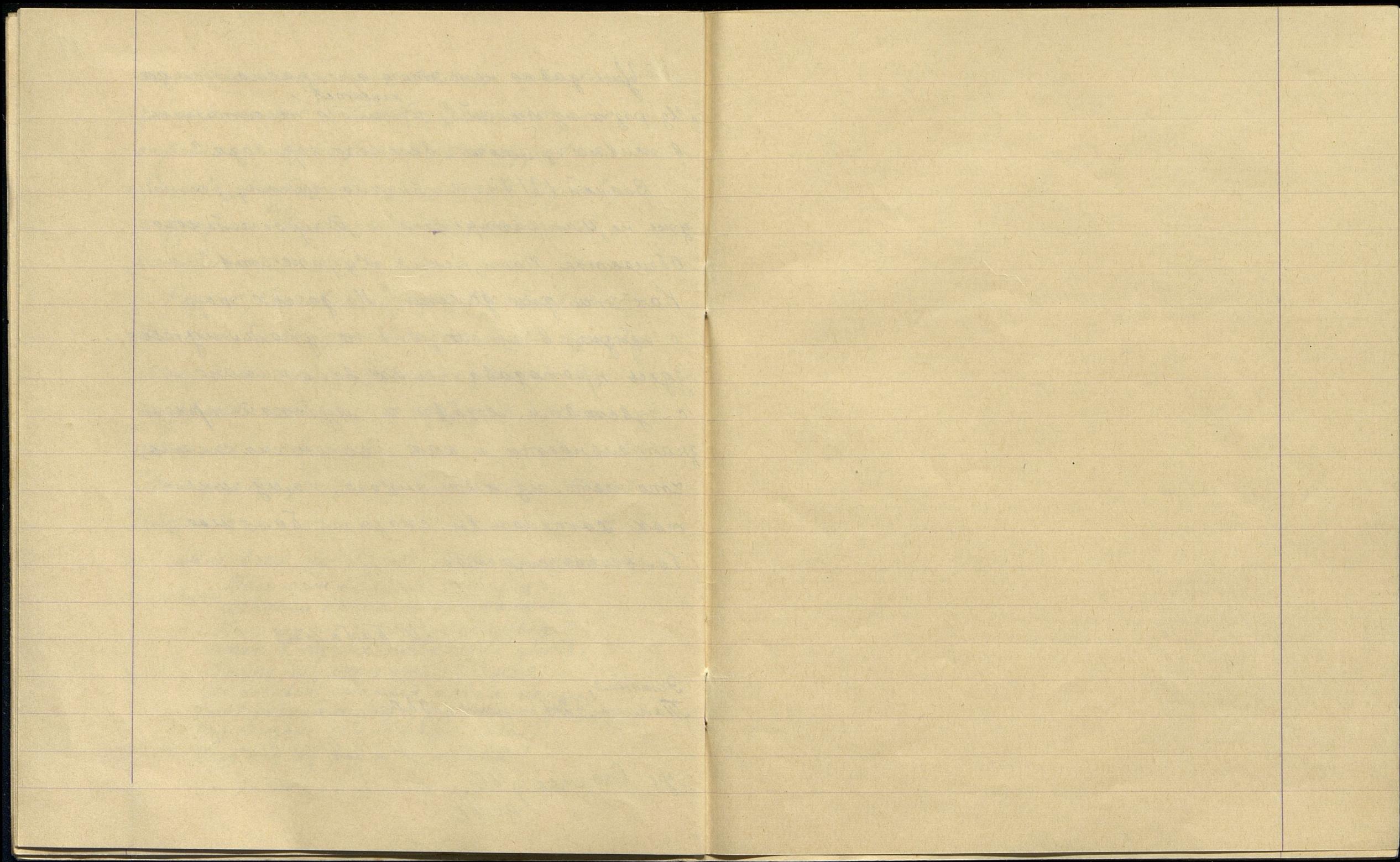
Весной 1917 г. я покинул школу, школу учили „Императорского“ а „Всероссийского Общества Поощрения Художеств“.

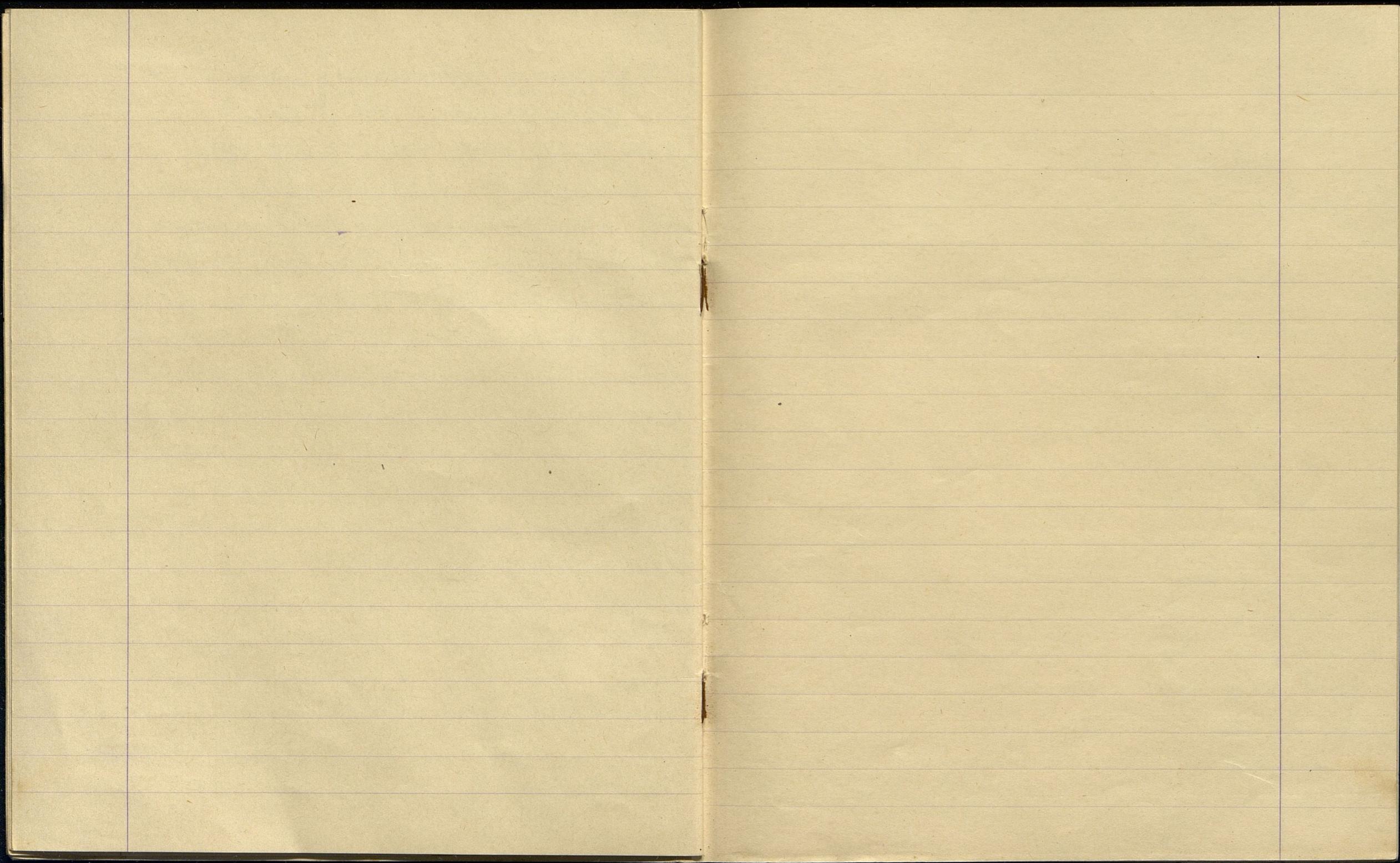
Как эти дни далеки! Но до сих пор о жизни в школе, о всех упомянутых здесь преподавателях вспоминаю с чувством любви и глубокой признательности и как бесконечно приятно, что нет из них никого, кому мне так хотелось бы сказать большое, большое спасибо.

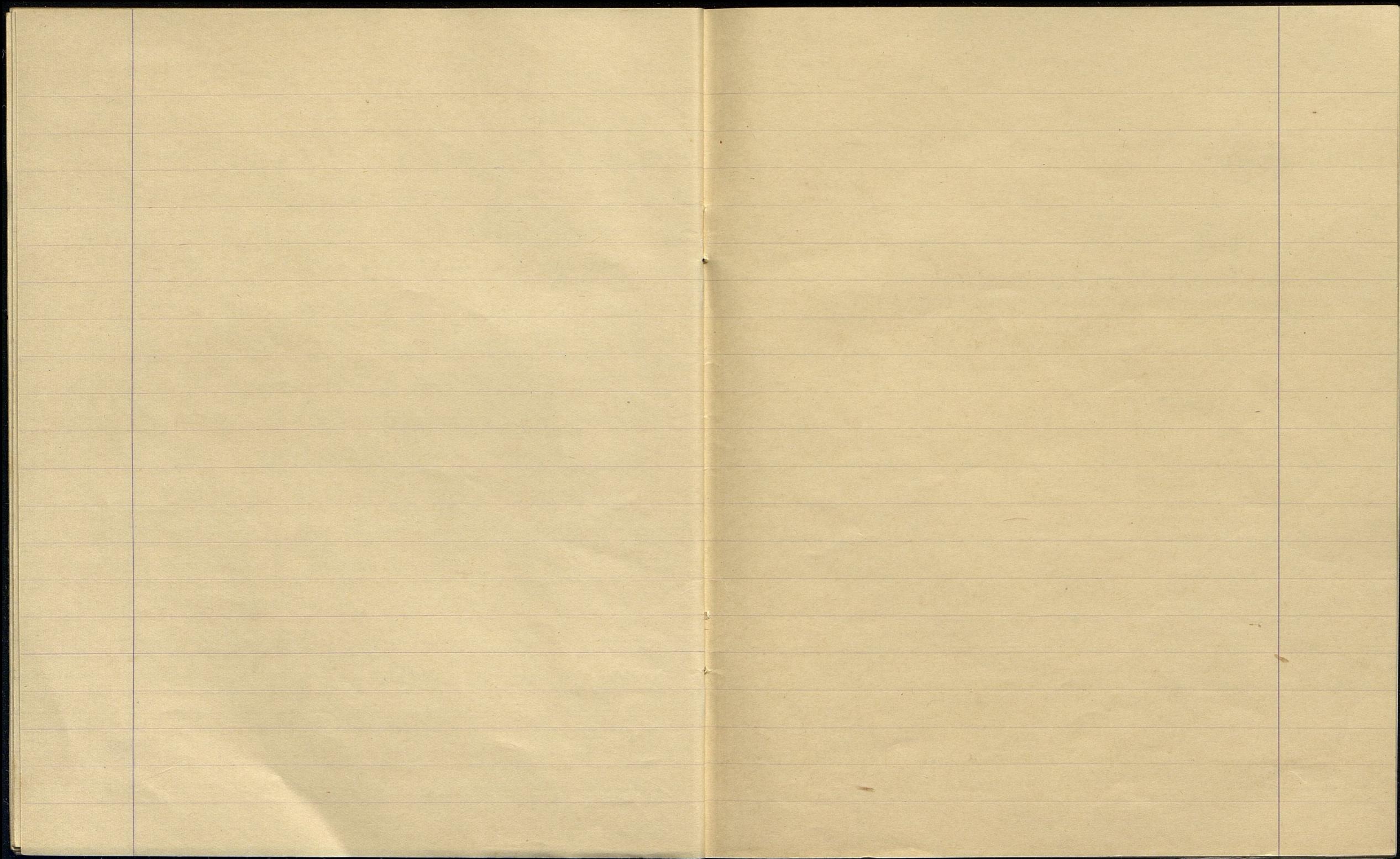
М. Бабаев.

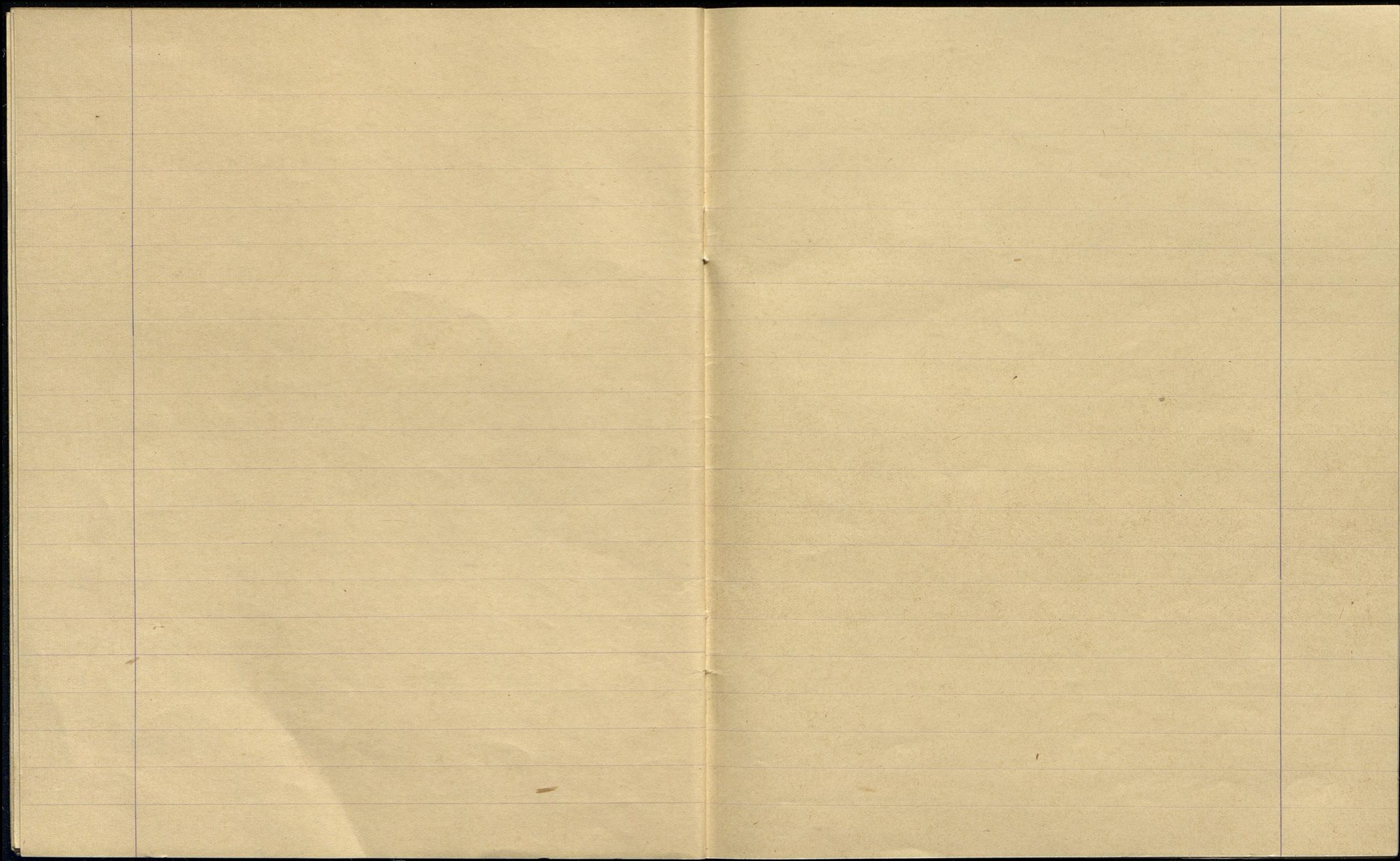
Этюдия,
Палкин, 27 апреля, 1960 г.

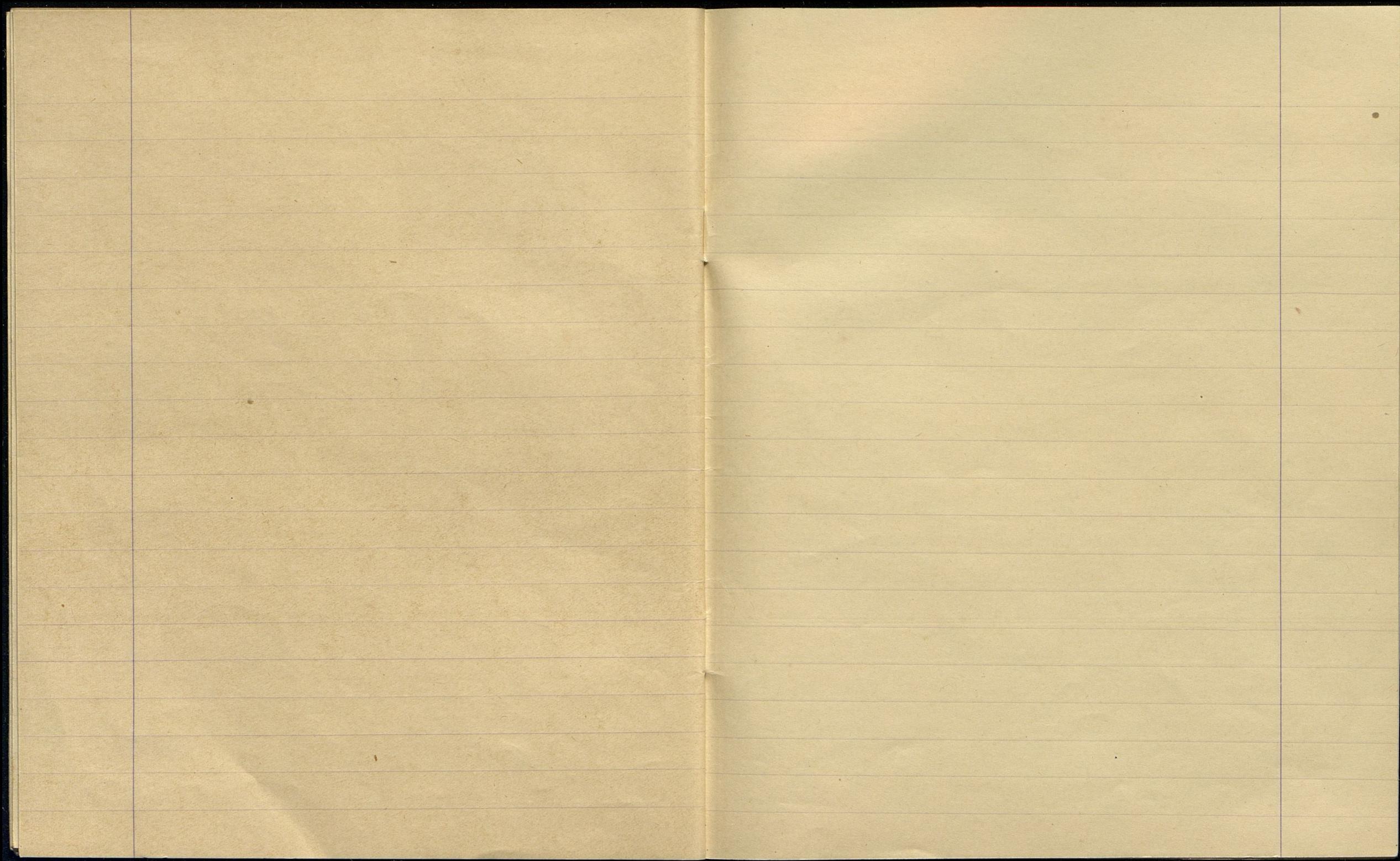
у. Стогице №6
№ 18.

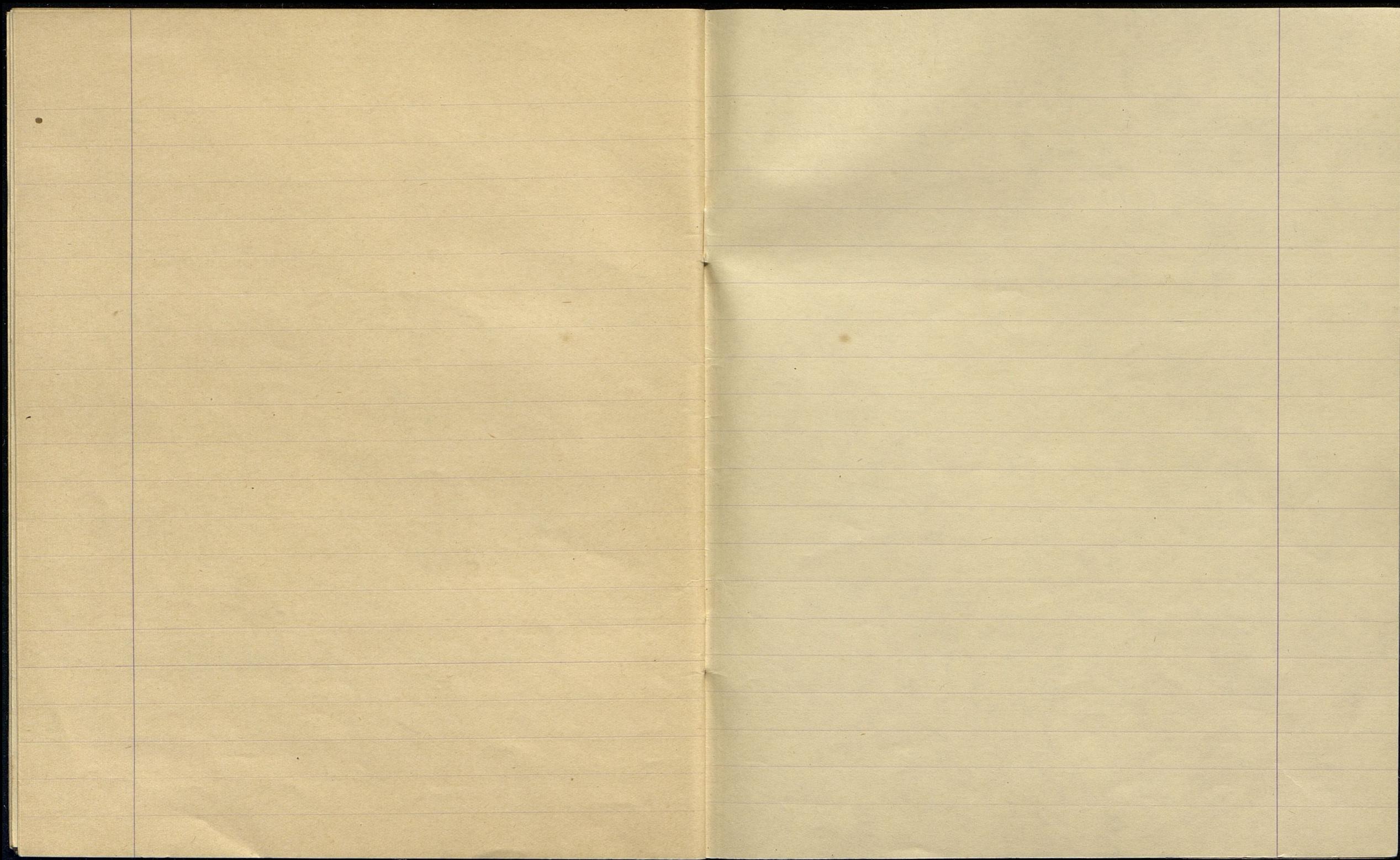

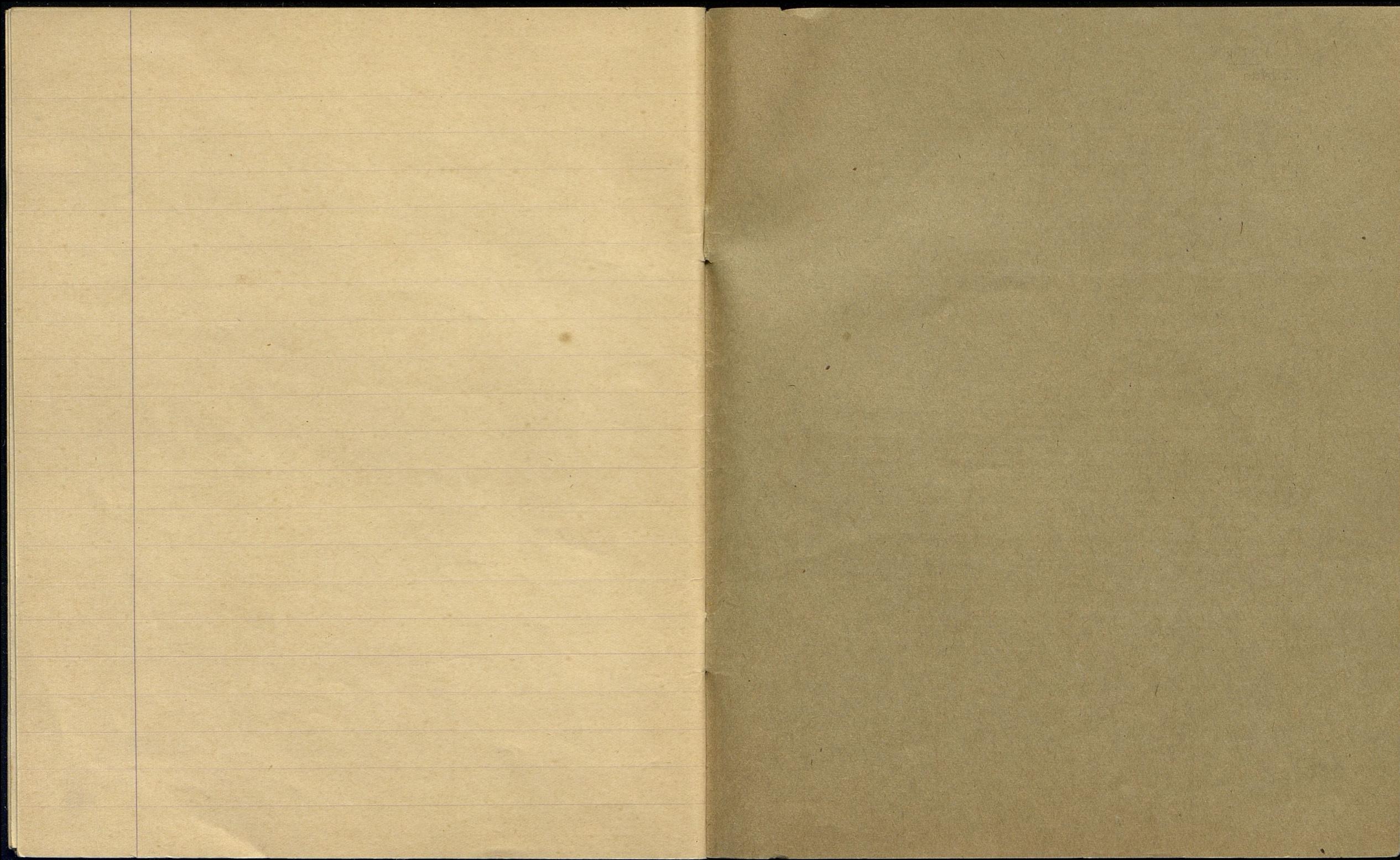

TÄITKE LIIKLEMISE EESKIRJU!

1. Käige ainult könniteel, hoidudes selle parempoolsele äärele! Könniteede ja jalgradade puudumisel käige tee vasakpoolsel äärel või teepeenral, näoga vastutulevate liiklusvahendite poole!

2. Ristteedel ületage tänavat ainult neis kohtades, mis on märgistatud pealkirjaga «Ülekäigu koht» või mööda jalakäijate radasid — nende puudumisel aga könnitee kulgemise suunas!

3. Reguleeritud liiklusega ristteedel oodake valgusfoori rohelise märktule süttimist või reguleerija-militšionääri tänavu ületamist lubavat märguannet! Tänav ületage kiiresti, jälgides tähelepanelikult transpordi liiklemist!

4. Reguleerimata liiklusega ristteede ületamisel vaadake esmalt vasakule ja pärast tee teljjoone ületamist — paremale! Andke teed liginevale liiklusvahendile!

5. Autobussi või trammi oodake peatuskoha vastas könniteel või selleks ettenähtud ootesaarel!

6. Seisvast autobussist ja autost mööduge tagant, seisvast trammist aga eest!

7. Arge hüpake liukuvalle trammile ega sellelt maha; ärge sõitke astmedadel!

8. Ärge mängige sõiduteel!

**OLGE TÄHELEPANELIKUD JA DISTSIPLINEERITUD!
LIIKLUSEEESKIRJADE TÄITMINE PEAB SAAMA TEILE HARJUMUSEKS!**

СОБЛЮДАЙТЕ ПРАВИЛА УЛИЧНОГО ДВИЖЕНИЯ!

1. Ходите только по тротуару, придерживаясь правой его стороны. Не скапывайтесь в группы на тротуаре, не мешайте движению.

2. Переходите улицу только на перекрестках, в местах обозначенных указателями «ПЕРЕХОД» или по пешеходным дорожкам.

3. На регулируемых перекрестках ожидайте появления зеленого сигнала светофора или разрешающего знака милиционера-регулировщика. Переходите улицу быстро и внимательно, наблюдайте за транспортом.

4. На нерегулируемых перекрестках убедитесь в полной безопасности перехода: сначала посмотрите налево, а дойдя до середины улицы, посмотрите направо. Пропустите приближающийся транспорт.

5. Ожидайте трамвай, автобус только на тротуаре, против остановки, не мешая движению.

6. Стоящие автомобили и автобусы всегда обходите сзади, а трамвай — спереди.

7. Не прыгайте на ходу в вагон и из вагона трамвая, не ездите на подножках и выступах транспорта.

8. Не устраивайте игры на проезжей части улицы.

**БУДЬТЕ ДИСЦИПЛИНИРОВАНЫ И ВНИМАТЕЛЬНЫ!
СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ ДОЛЖНО СТАТЬ
ВАШЕЙ ПРИВЫЧКОЙ!**

I kv. 1960. a.

Tallinna Paberiyabrik

Trükikoda «Uhiselu». Tallinn. Tell. 471. II 1960. Tiraaž 1 500 000.